

Лилия Тимолаева

КОМПАНЬОНКА
СЛЕПОГО
ГЕРЦОГА-ДРАКОНА

Лилия Тимолаева

**Компаньонка слепого
герцога дракона**

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Компаньонка слепого герцога дракона / Л. Тимолаева —
«Литнет», 2026

После смерти отца у меня не осталось ни дома, ни мастерской, ни права на ошибку. Поэтому я согласилась стать компаньонкой слепого герцога-дракона Олларда Норвейна. Обязанности казались простыми: читать письма, разбирать семейный архив и сопровождать герцога. Запрет был только один — никогда не переставлять зеркала. Но в первую же ночь в запертой библиотеке появилось зеркало, которого там не было. Оно не отражало меня и забирало драконью силу у Олларда. Чтобы понять, кто превратил замок в ловушку, мне придётся расшифровать записи его матери, раскрыть тайну последнего заказа моего отца и довериться мужчине, который не видит моего лица, но замечает каждое колебание в голосе. Олларду не нужна жалость. Мне не нужен покровитель. Но чем ближе мы подходим к разгадке, тем труднее понять, что опаснее: чужая магия за серебряным стеклом или доверие, способное изменить нас обоих.

© Тимолаева Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Контракт в темноте	5
Глава 2. Зеркало, которого не было	22
Глава 3. Ночь повёрнутых зеркал	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава 1. Контракт в темноте

— Свет оставьте снаружи, госпожа Вэрд.

Дворецкий произнёс это у самой двери, и я решила, что ослышалась. За высокими окнами бушевал дождь, коридор замка освещали редкие настенные светильники, а впереди открывалась библиотека, в которой нельзя было различить даже очертаний мебели.

Я крепче прижала к груди кожаную папку с документами.

— Герцог желает беседовать в полной темноте?

Мужчина, назвавшийся Бертом, отвёл глаза. За время пути от главного входа до западного крыла он ни разу не посмотрел на меня прямо. Я успела заметить его безупречно застёгнутый тёмный камзол, седину на висках и привычку касаться большим пальцем печати на правой руке перед каждым ответом.

Сейчас он снова провёл по ней пальцем.

— Таково распоряжение его светлости.

— А свечу мне дадут после разговора?

— Это будет зависеть от результата разговора.

Дверь за спиной дворецкого оставалась открытой. До меня доносился шорох дождя по высоким окнам галереи, потрескивание огня в настенных чашах и приглушённые голоса слуг, которые старались пройти мимо западного крыла быстрее, чем требовали приличия.

В замке Норвейн боялись темноты.

Или человека, который в ней жил.

Я взглянула на поставленный у стены дорожный сундук. В нём помещалось всё, что осталось от прежней жизни: четыре платья, пара крепких башмаков, плащ, набор письменных принадлежностей и отцовский футляр с инструментами для работы со старинными рукописями. Другой багаж пришлось продать вместе с мебелью, серебром и домом.

Если я сейчас поверну назад, ночевать мне будет негде.

Эта мысль оказалась убедительнее гордости.

Я развязала ленту на шляпе, сняла её и передала дворецкому. С мокрых полей на натёртый каменный пол упало несколько капель.

— Передайте герцогу, что я готова.

— Вы должны войти одна.

— Я поняла это, когда вы попросили оставить свет.

На лице Берта мелькнуло выражение, похожее на сожаление. Он принял шляпу, но с места не сдвинулся.

— Госпожа Вэрд, прежние компаньонки...

Он осёкся.

— Что с ними?

Дворецкий посмотрел в сторону лестницы, словно опасался, что стены могут донести его слова хозяину.

— Они недолго служили в замке.

— Их уволили?

— Его светлость предпочитает сам объяснять свои решения.

— Я спрашиваю не о решениях герцога. Я спрашиваю, покинули ли прежние компаньонки замок по собственной воле и в добром здравии.

Вопрос заставил Берта нахмуриться. Возможно, предыдущие претендентки не требовали подобных уточнений. Возможно, они приезжали с родственниками, запасом денег и возможностью отказаться от сомнительной должности.

У меня такой возможности не было, но это ещё не означало, что я должна добровольно войти в склеп.

— Они покинули замок, — наконец ответил он. — Каждая получила полный расчёт и экипаж до города.

— Благодарю. Этого достаточно.

Я шагнула через порог.

Дворецкий тут же закрыл дверь.

Щелчок замка прозвучал громче, чем следовало.

Первые несколько мгновений я видела перед собой густую черноту. Свет из коридора исчез, а глаза ещё сохраняли его золотистые отпечатки. Они плавали передо мной размытыми пятнами, мешая сосредоточиться.

Я не двигалась.

Где-то в глубине библиотеки горели дрова. Я не видела огня и не ощущала жара, но слышала, как оседают угли. Пахло старой бумагой, кожаными переплётками, воском для мебели и мокрым камнем. Сквозь закрытые окна проникал гул ветра, а по стеклу стекали тяжёлые струи воды.

У двери лежал ковёр. Его край я почувствовала подошвой. Передо мной оставалось свободное пространство, но дальше могли стоять кресла, столы или низкие скамьи.

Я решила дожидаться, пока хозяин заговорит первым.

Время растянулось.

Дождь усилился, ударил по окнам и рассыпался по крыше непрерывным шорохом. В другом конце комнаты кто-то перевернул страницу. Звук оказался отчётливым, спокойным и намеренным.

Значит, герцог был здесь.

Он наблюдал за мной тем способом, который не требовал зрения.

Я продолжала стоять, удерживая папку обеими руками. Влажные перчатки охладили пальцы. После долгой дороги хотелось снять плащ, согреться и сесть, однако я не собиралась бродить по незнакомой комнате, пока хозяин проверял, как быстро гостя потеряет самообладание.

Наконец из темноты раздался мужской голос:

— Вы опоздали на семь ударов часов, госпожа Вэрд.

Голос шёл справа и немного сверху. Герцог сидел либо за приподнятым столом, либо в кресле на небольшом возвышении. Говорил он ровно, без приветствия, и моё полное имя прозвучало в его устах как первое доказательство по делу.

— На мосту через Ивень размыло одну из опор, ваша светлость. Кучер выбрал дорогу через старую мельницу.

— Дорога через мельницу прибавляет четыре удара, если лошади идут обычным шагом.

— Два удара мы потеряли у северной заставы. Стража проверяла мой пропуск.

— Это шесть.

— Седьмой мы ждали перед вашими воротами. Караульный не решался открыть их без распоряжения из замка.

В библиотеке снова зашелестела бумага.

— Вы считали удары часов по дороге?

— Я считала время, которое могла потерять.

— По какой причине?

Я провела большим пальцем по краю папки. Лгать не имело смысла: в письме поверенного было указано моё положение.

— У меня назначено единственное собеседование, ваша светлость. Опоздание могло оставить меня без места.

— Значит, вы приехали из нужды.

— Я приехала работать.

— Удобное различие.

— Существенное для человека, который собирается платить мне жалованье.

За дверью что-то звякнуло. Вероятно, кто-то из слуг услышал мой ответ и задел поднос или связку ключей. Я ожидала, что герцог прекратит разговор, вызовет дворецкого и велит проводить меня обратно под дождь.

Вместо этого мужчина произнёс:

— Подойдите к столу.

Я осталась на месте.

— Скажите, где он находится.

— В шести шагах перед вами.

— Прямо?

— Если вы умеете ходить по прямой.

— В городском доме мне удавалось.

— Этот пол старше вашего городского дома и отличается более тяжёлым характером.

— Тогда предупредите меня о его возражениях.

Несколько мгновений герцог молчал, а затем я уловила в его голосе сухую усмешку:

— После третьего шага будет край ковра. Ещё через два — низкая скамья справа. Стол находится за ней. Стул отодвинут.

— Благодарю.

Я двинулась вперёд, отсчитывая шаги. Подошвы сначала утопали в ворсе, затем коснулись гладкого дерева. Доски сохранили дневной холод. На пятом шаге носок башмака наткнулся на ножку скамьи, хотя герцог утверждал, что она стоит справа.

Я остановилась.

— Вы намеренно указали неверное положение мебели?

— Скамья стояла справа утром.

— А сейчас?

— Судя по звуку, перед вами.

Я наклонилась и свободной рукой ощупала пространство. Пальцы коснулись резного дерева. Скамья была узкой, с высокой спинкой, и кто-то развернул её поперёк прохода.

— Мне её обойти?

— Это зависит от того, насколько вы привязаны к прямым дорогам.

Я обошла преграду слева. Ещё через два шага пальцы коснулись края большого стола. На гладкой поверхности лежало несколько предметов: металлическая чернильница, стопка бумаг, пресс и тонкая цепочка, назначение которой я не поняла.

— Стул находится у вашего левого колена, — сказал герцог.

На этот раз он не ошибся.

Я села, положила папку перед собой и сняла мокрые перчатки. Кожа прилипла к пальцам, поэтому справиться с застёжками удалось не сразу.

Из темноты донёсся вопрос:

— Почему вы не попросили зажечь свет?

— Полагаю, вы отказали бы.

— Возможно.

— Тогда мы потратили бы время на разговор, который ничего не изменит.

— А если темнота была прихотью?

— Вы имеете право на прихоти в собственном доме.

— И вы готовы им подчиняться?

— Пока они не мешают исполнять мои обязанности и не унижают меня.

Тишина после ответа стала плотнее. Я различала скрип кресла, шелест ткани и спокойное дыхание человека напротив. Между нами оставалось не больше ширины стола.

— Что именно вы сочли бы унижением? — спросил он.

— Обращение, при котором от меня требуют отказаться от достоинства ради жалованья.

— Сформулируйте точнее.

— Если вы захотите проверить мою грамотность, я прочту любой предложенный текст. Если станете проверять память, отвечу на вопросы. Если намерены узнать, способна ли я сохранять спокойствие в темноте, вы уже получили ответ. Но если в дальнейшем подобные испытания будут устраиваться ради развлечения, я уйду.

— Несмотря на нужду?

— Нужда заставляет человека соглашаться на тяжёлую работу. Она не обязывает соглашаться на всё.

Он откинулся в кресле. Я услышала, как дерево приняло его вес.

— Поверенный описывал вас иначе.

— Мы беседовали меньше четверти часа.

— Этого хватило, чтобы он назвал вас сдержанной, образованной и склонной переоценивать свою независимость.

— Последнее он добавил после того, как я отказалась уступить ему часть первого жалованья за рекомендацию.

На этот раз герцог рассмеялся. Смех оказался коротким, глубоким и совершенно не похожим на любезные звуки, которыми мужчины обычно сопровождали разговор с женщиной, когда хотели расположить её к себе.

— Поверенный не упомянул эту подробность.

— Я предполагала.

— Какую сумму он потребовал?

— Десятую часть за полгода.

— И вы отказали человеку, от которого зависело ваше приглашение?

— Он уже отправил вам моё имя. Отозвать рекомендацию, не объясняя причины, означало бы привлечь внимание к собственному требованию.

— Вы рискнули.

— Я рассчитала последствия.

Он провёл пальцами по столу. Ногти едва слышно коснулись дерева, и в этом движении было что-то хищное. Я вспомнила, что разговариваю не только с герцогом, но и с драконом из одного из старейших родов Севера.

Оллард Норвейн не показывался при дворе семь лет. Газеты называли его затворником, советники короны — неудобным вассалом, а горожане рассказывали, что после потери зрения он приказал снять в замке все окна. Последняя выдумка рассыпалась сразу: по стёклам вокруг нас продолжал хлестать дождь.

Другие слухи проверить было сложнее.

Говорили, герцог различает человека по шагам через три комнаты. Говорили, слышит, когда собеседник касается оружия. Говорили, после покушения он стал жесток и выгнал половину прислуги.

Слухи редко возникали на пустом месте, но чаще всего рассказывали не о человеке, а о страхах тех, кто наблюдал за ним издали.

— Вы изучали выпуклое письмо, — произнёс Оллард.

Я положила ладони на папку.

— Мой отец восстанавливал старинные рукописи. Некоторые тексты создавались для чтения кончиками пальцев.

— Почему?

— В древних драконьих семьях потеря зрения не считалась причиной отстранять наследника от власти. Архивы делали доступными для каждого хозяина рода.

— Вы повторяете объяснение отца?

— Нет. Он утверждал, что выпуклые знаки появились раньше обычного письма и предназначались для чтения в пещерах, где нельзя было поддерживать огонь. Я никогда не находила подтверждений этой версии.

— Вы сомневались в словах собственного отца?

— Он любил красивые предположения. Я любила доказательства. Мы прекрасно ладили именно поэтому.

Последняя фраза далась мне труднее предыдущих. Я заметила это по сбившемуся дыханию и разозлилась на себя. Смерть отца случилась четыре месяца назад, но воспоминание по-прежнему возникало без предупреждения, превращая самые обычные слова в препятствие.

Герцог не выразил соболезнований. Я была благодарна ему за это. За последние месяцы я слышала столько сочувственных речей, что каждая новая заставляла думать не об отце, а о необходимости правильно поблагодарить говорившего.

— Где ваша папка? — спросил он.

— Передо мной, у правого края стола.

— Откройте её.

Я развязала тесёмки и разложила документы.

— Сверху находится рекомендация хранителя городского архива. Под ней — подтверждение моего образования, опись работ, выполненных вместе с отцом, и образец чтения старых знаков. Последним лежит письмо вашего поверенного.

— Вы описываете документы для меня?

— Вы попросили открыть папку. Я не знаю, какой именно лист вам понадобится.

— Многие считают необходимым вложить бумагу мне в руку.

— Вы сами попросите об этом, если понадобится.

— А если я не найду её?

— Рекомендация лежит в двух ладонях от чернильницы. Её верхний край касается печати, нижний направлен ко мне. Остальные листы расположены параллельно.

Он протянул руку.

Движение было уверенным. Пальцы скользнули по поверхности, остановились у металлической печати и сразу нашли бумагу. Я увидела бы его лишь как силуэт, даже если бы глаза уже привыкли к темноте, однако очертания руки различались на фоне едва заметного серого окна.

Кисть была широкой, с длинными пальцами. На указательном виднелось кольцо. Камень в нём испускал слабое багровое сияние, напоминавшее отблеск угля под слоем пепла.

Оллард провёл пальцами по краю рекомендации и отложил её.

— Вы не боитесь тишины, госпожа Вэрд.

— Следовало бояться?

— Предыдущая претендентка заговорила через десять мгновений после закрытия двери. Она рассказывала о погоде, дороге, своих родственниках и цвете платья. Через четверть часа я знал о её семье больше, чем она сама.

— Вы её наняли?

— Нет.

— Из-за разговорчивости?

— Из-за привычки отвечать на вопросы, которые ей не задавали.

— Разумная причина для отказа компаньонке.

— Вы так считаете?

— Компаньонка должна поддерживать беседу, а не захватывать её.

— Вторая начала передвигать мебель, чтобы я не ударился.

Я вспомнила скамью, оказавшуюся поперёк прохода.

— Она решила, что вы не знаете расположения собственной библиотеки?

— Она решила, что имеет дело с беспомощным человеком.

— А третья?

— Плакала.

— Почему?

— Из сострадания.

— Долго?

— Пока я не вызвал дворецкого.

Мне пришлось прикусить внутреннюю сторону щеки, чтобы удержаться от улыбки. Представить Олларда Норвейна перед рыдающей женщиной оказалось проще, чем следовало.

— Значит, темнота была испытанием, — сказала я.

— Она остаётся им.

— И каковы мои результаты?

— Вы пока не пытались меня спасти, утешить или переставить кресло. Это выгодно отличает вас от других.

— Высокая похвала.

— Я редко раздаю высокие.

В его голосе снова прозвучала насмешка. Она не смягчала сказанное, но делала разговор живее.

— Могу я задать вопрос? — спросила я.

— Вы уже задавали несколько.

— Могу я рассчитывать на ответ?

— Это зависит от вопроса.

Я провела ладонью по краю стола. Дерево было отполировано так тщательно, что нигде не ощущалось ни зазубрины, ни трещины.

— Почему вы проводите собеседование без света?

Он ответил не сразу.

— Люди меняются, когда перестают видеть моё лицо.

— Каким образом?

— Одни становятся смелее. Другие начинают говорить громче и отчётливее, словно слепота связана со слухом. Некоторые принимают лгать, потому что уверены, что их выдаёт только выражение лица.

— А вы различаете ложь по голосу?

— Я различаю страх, жадность, раздражение и желание понравиться. Люди часто принимают это за способность слышать ложь.

— Что вы слышали в моём голосе?

— Холод, усталость и голод.

Я невольно сжала пальцы.

— Последнее не имеет отношения к должности.

— Имеет. Голодный человек принимает решения иначе.

— Я поела в дороге.

— Кусок хлеба на северной заставе.

Я замерла.

— Откуда вы знаете?

— На вашей правой перчатке остались крошки. Когда вы её снимали, одна упала на стол.

— По одной крошке вы определили место?

— Хлеб на северной заставе посыпают сушёным тмином. Запах держится долго.

Мне захотелось найти крошку и убрать её, но я не стала ощупывать стол, доставляя герцогу новое развлечение.

— Вы всегда изучаете гостей с таким усердием?

— Только тех, кого собираюсь допустить к семейному архиву.

— Значит, решение ещё не принято.

— Решение будет зависеть от того, насколько точно вы понимаете будущие обязанности.

Он положил перед собой другую стопку бумаг. По шелесту я определила, что листов было не меньше пяти.

— Встаньте, госпожа Вэрд.

Я поднялась.

— Возьмите документы и перейдите к камину.

— Где он?

— В десяти шагах слева от стола. На восьмом будет кресло. Обойдите его со стороны окна.

— Вы можете попросить слугу зажечь огонь ярче?

— Огонь горит достаточно ярко.

— Для вас или для меня?

— Хороший вопрос.

Я собрала бумаги в папку. Прежде чем отойти, проверила, не осталось ли чего-нибудь на столе, затем положила ладонь на спинку стула и развернулась в указанную сторону.

Первые шаги дались легко. Доски слегка пружинили под ногами. На шестом я почувствовала тепло, на восьмом коснулась пальцами высокого кресла и обошла его справа, ближе к окну.

— Я велел идти со стороны окна, — заметил Оллард.

— Окно справа.

— С чего вы взяли?

— Дождь слышен яснее с этой стороны, а воздух холоднее.

— Верно.

— Тогда почему вы считаете, что я нарушила указание?

— Я не считал. Я проверял, станете ли вы соглашаться.

— Это войдёт в мои обязанности?

— Что именно?

— Доказывать вам очевидное.

— Вероятно.

У камина стоял небольшой столик. Я положила на него папку и протянула руки к теплу. Огонь давал достаточно света, чтобы различить ковёр, ножки мебели и ряд книжных шкафов вдоль стены, однако лицо герцога по-прежнему скрывала темнота.

Окна были закрыты тяжёлыми шторами, оставлявшими узкие полосы серого вечернего света. Библиотека занимала два этажа. По стенам тянулись галереи с резными перилами, к ним вели две винтовые лестницы. Полки поднимались до потолка, а между ними стояли статуи драконов с раскрытыми крыльями.

Помещение поражало размерами и порядком. Книги были расставлены ровными рядами, папки лежали в подписанных ячейках, на столах не осталось ни одного случайного предмета.

На дальней стене висели тёмные полотнища. Я сначала приняла их за гобелены, затем увидела из-под ткани края серебряных рам.

Зеркала.

Все они были закрыты.

Я отвела взгляд и повернулась к герцогу.

Теперь я различала его силуэт. Оллард сидел в кресле за широким столом. Высокий воротник чёрного камзола подчёркивал прямую линию шеи, тёмные волосы доходили до плеч и были собраны лентой. На глазах лежала узкая повязка, лишённая украшений.

Он повернул голову вслед за моим движением так точно, словно видел меня.

— Вы осматриваете библиотеку, — сказал он.

— Теперь у меня появилась такая возможность.

— Что вас удивило?

— Количество книг.

— Не закрытые зеркала?

Я посмотрела на полотнища.

— Они принадлежат вам. Вы вправе держать их закрытыми.

— Любопытство не мучает?

— Мучает. Воспитание пока сильнее.

Уголок его рта приподнялся.

При слабом свете я смогла рассмотреть лицо герцога. Чёткие скулы, прямой нос, упрямый подбородок. Тонкий шрам начинался у левого виска и исчезал под повязкой. Второй пересекал бровь. Черты казались суровыми, но следы усталости возле рта выдавали цену постоянного самообладания.

Он был моложе, чем я представляла. Газетные статьи создавали образ мрачного старика, который сидит в разрушенном замке и проклинает свет. Передо мной находился мужчина лет тридцати трёх, сильный, собранный и опасный даже в неподвижности.

Я поймала себя на том, что рассматриваю его дольше, чем позволяла вежливость.

— Закончили? — спросил Оллард.

К щекам прилило тепло.

— Что именно?

— Составлять мнение о моей внешности.

— Вы утверждали, что люди меняются, когда не видят вашего лица. Я проверяла, изменюсь ли я после того, как его увижу.

— И каков результат?

— Пока неясен.

— Предусмотрительный ответ.

— Честный.

Он поднялся.

Я ожидала, что герцог протянет руку в поисках края стола или трости, но он этого не сделал. Оллард обошёл кресло, не задев его, миновал низкую скамью и направился к камину. Его шаги были уверенными и точными. Расстояния он отсчитывал по памяти или по звукам, которые я не замечала.

Подойдя к столику, герцог остановился напротив меня. Между нами оставалось не больше двух шагов.

Я была высокой, однако Оллард оказался выше на полголовы. От него пахло холодным воздухом, кожей и древесным дымом. Сияние кольца на пальце стало ярче, и в глубине красного камня показалась тонкая золотая линия.

Драконья сила.

Я видела родовые камни прежде, но ни один не реагировал так заметно. От кольца исходило тепло, которое ощущалось даже на расстоянии.

Оллард протянул руку к папке.

— Рекомендацию хранителя архива.

Я нашла нужный лист и вложила ему в пальцы. Он провёл по печати, коснулся подписи, затем вернул документ.

— Образец старых знаков.

Я подала второй лист.

— Здесь обычные чернила, — сказал он.

— Выпуклые строки находятся на обратной стороне.

Он перевернул бумагу. Пальцы двинулись по знакам. Его лицо сохранило прежнее выражение, но я заметила, что на третьей строке он задержался.

— Это отрывок из завещания Арвена Норвейна, — произнёс герцог.

— Да.

— Где вы его нашли?

— В копии, хранившейся у моего отца.

— Семейные документы Норвейнов не должны находиться в частных собраниях.

— Отец восстанавливал книгу по заказу вашей матери.

На последнем слове его пальцы остановились.

В библиотеке потрескивали дрова. За окнами ветер гнал дождь по стеклу, и капли стучали с такой силой, словно кто-то бросал в замок горсти мелких камней.

— Когда? — спросил Оллард.

— Восемь лет назад.

— Вы уверены?

— Я помогала ему готовить слепки с повреждённых страниц. Мне было семнадцать.

— Вы бывали в этом замке?

— Нет. Книгу привозили в нашу мастерскую.

— Кто?

Я попыталась вспомнить. В то время отец редко называл заказчиков, если работа касалась семейных архивов. Посыльные приезжали в закрытых экипажах, оставляли запечатанные ящики и забирали их через назначенный срок.

— Мужчина в сером дорожном плаще. Он не снимал перчаток и каждый раз ожидал во дворе.

— Имя?

— Отец называл его господином Эльмаром.

Оллард отвернулся.

В его движении не было суеты, но драгоценный камень в кольце вспыхнул ярче. На стене дрогнула красная полоса света.

— Вы знакомы с этим именем? — спросила я.

— В герцогстве немало Эльмаров.

Ответ прозвучал спокойно. Я поняла, что продолжать расспросы не стоит. По крайней мере, пока.

Оллард вернулся к столу. Он шёл без колебаний, но теперь я заметила, что каждый шаг совпадал с определённым звуком: потрескиванием огня, ударом дождя по карнизу, скрипом доски. Библиотека служила ему картой, и любое изменение в ней могло нарушить привычный порядок.

Отсюда испытание со скамьёй.

Кто-то передвинул её, а он сразу понял это по моему движению.

— Присядьте, — сказал герцог.

На этот раз я выбрала кресло у камина. Оллард занял второе, расположенное напротив, и положил бумаги на столик между нами.

— Должность компаньонки предполагает три основных вида обязанностей. Первый — чтение личной и официальной переписки. Вы будете получать письма у дворецкого, проверять печати и читать содержимое вслух.

— Все письма?

— Кроме отмеченных чёрным воском. Их передадут непосредственно мне.

— Если среди обычной корреспонденции обнаружится повреждённая печать?

— Вы не вскрываете письмо и сообщаете начальнику охраны.

Я кивнула, затем вспомнила, что этот жест для него бесполезен.

— Понятно.

— Второй вид обязанностей — сопровождение. В замке проходят заседания совета, приёмы арендаторов и встречи с представителями короны. Вы будете присутствовать рядом, вести записи и при необходимости описывать людей и документы.

— Насколько подробными должны быть описания?

— Настолько, чтобы я понимал, кто вошёл, где встал и что пытается скрыть.

— Описать выражение лица я могу. Определить намерения человека по нему удаётся не всегда.

— Признавать границы собственных возможностей полезнее, чем изображать проницательность.

— Вы часто сталкивались с теми, кто изображал?

— Ежедневно.

Я посмотрела на бумаги в его руках.

— Третий вид обязанностей связан с архивом вашей матери?

— Да. Он находится в северной части западного крыла. После смерти герцогини помещение запечатали. Большая часть документов составлена выпуклым письмом. Вы должны разобрать их, подготовить опись и читать мне выбранные записи.

— Почему архив не открывали раньше?

— Среди слуг замка нет человека, владеющего старой системой знаков.

— Можно было пригласить хранителя из столицы.

— Я не допускаю посторонних к семейным документам.

— Но готовы допустить меня.

— Пока я готов обсуждать такую возможность.

— Чем я отличаюсь от хранителя из столицы?

— У вас нет покровителей при дворе, родственников в королевском совете и средств, позволяющих исчезнуть после продажи чужой тайны.

Слова ударили точнее, чем открытое оскорбление. Оллард перечислил моё положение без злобы, но от этого оно не стало менее унижительным.

Я выпрямилась.

— Значит, моя бедность служит рекомендацией?

— В данном случае она делает ваши решения предсказуемыми.

— Вы ошибаетесь, если считаете, что человек без состояния продаст всё, кроме тайны работодателя.

— Я считаю, что человеку без состояния труднее покинуть замок без жалованья. Это создаёт дополнительную причину соблюдать договор.

— Вы говорите со мной так, словно уже подозреваете в предательстве.

— Я говорю с вами как с человеком, которому собираюсь доверить бумаги покойной матери.

— Тогда позвольте уточнить, ваша светлость. Если вы заранее уверены в моей ненадёжности, разумнее выбрать другую претендентку.

Оллард повернул лицо в мою сторону. Я не видела его глаз, однако ощущение пристального внимания усилилось.

— Вы готовы отказаться от места?

— Я готова отказаться от положения, в котором любое ваше подозрение будет считаться доказательством моей вины.

— Даже если завтра вам нечем будет заплатить за жильё?

Я стиснула пальцы на коленях. Вопрос попал в цель, и герцог это понял по дыханию.

— Даже тогда.

— Почему?

— Потому что бедность можно пережить. Жизнь в постоянном ожидании обвинения ломает человека быстрее.

Огонь отражался в серебряной застёжке на его воротнике. Оллард долго молчал, а затем положил бумаги на стол.

— Я не уверен в вашей ненадёжности, госпожа Вэрд. Я уверен только в том, что ещё вас не знаю.

— Это справедливо.

— Вы могли бы солгать о своём положении.

— Поверенный сообщил его раньше меня.

— Могли представить бедность временным неудобством.

— Она и является временным неудобством.

На этот раз улыбка герцога стала заметнее.

— Вот теперь вы переоцениваете независимость.

— Возможно. Но я намерена заработать достаточно, чтобы подтвердить свою оценку.

— Сколько времени вам потребуется?

— Полгода при указанном в письме жалованье.

— Вы уже составили расчёты?

— Да.

— На что потратите деньги?

Вопрос оказался неожиданным.

— Сниму небольшое помещение в городе и продолжу работу отца.

— Реставрацию рукописей?

— Сначала перепись и составление каталогов. Для восстановления требуется оборудование, которого у меня больше нет.

— Вы продали мастерскую.

— Дом вместе с мастерской отошёл человеку, выкупившему долги.

— Долги вашего отца?

Я посмотрела на огонь.

— За последний год заказов стало мало. Отец не рассказывал, насколько тяжёлым было положение. После его смерти выяснилось, что дом заложен.

— Почему он скрывал это от вас?

— Вероятно, считал, что успеет всё исправить.

Я не добавила, что последние недели он часто запирался в мастерской и работал ночами над заказом, которого я ни разу не видела. После его смерти заказ исчез вместе с частью записей, а на столе осталась только пустая серебряная рама размером с ладонь.

Сейчас она лежала в моём сундуке под сложенными платьями.

Оллард повернул кольцо на пальце.

— В письме указано жалованье за три месяца.

— Поверенный говорил о шести.

— Контракт заключается на три. После этого мы либо продлеваем его, либо расстаёмся.

— Почему прежние компаньонки не завершили первый срок?

— Вы уже выяснили у дворецкого, что они покинули замок.

Я почувствовала раздражение.

— Я не спрашивала, где они находятся. Я хочу понять, какие ошибки привели к увольнению.

— Первая переставляла вещи в моих комнатах, считая, что делает их безопаснее. Вторая читала личные письма до того, как передать их мне. Третья решила, что должна убедить совет объявить меня неспособным управлять герцогством.

— А та, что плакала в библиотеке?

— Она не была нанята.

— Значит, служили трое.

— За последние два года.

— И каждая нарушила доверие.

— Да.

— У вас есть доказательства?

Вопрос вырвался прежде, чем я успела решить, стоит ли его задавать.

Оллард не рассердился. Он соединил пальцы, положив руки на колени.

— Вы сомневаетесь в моих словах?

— Я пытаюсь понять условия работы. Если предыдущие компаньонки нарушили чёткие правила, я буду их соблюдать. Если их проступки определялись вашим впечатлением, договор не защитит меня.

— Первая переставила мебель после прямого запрета. Вторая вскрыла письмо с чужой печатью и солгала о нём. Третья передала члену совета сведения о моём состоянии в обмен на обещание места при дворе.

— Тогда их увольнение понятно.

— Вам требуются доказательства каждого моего решения?

— Только тех, которые могут стать примером для моей судьбы.

Он кивнул.

— Я принимаю это условие.

Ответ удивил меня. Я ожидала спора, напоминания о разнице в положении или холодного указания на дверь. Вместо этого Оллард признал моё право требовать ясности.

Страх, сопровождавший меня от городского дома до замка, начал отступать. На его месте появилось осторожное любопытство.

— Вы сказали, что первая компаньонка переставляла вещи после прямого запрета, — напомнила я. — Это связано с тем пунктом договора, который поверенный отказался объяснить?

— Возможно.

Оллард взял верхний лист.

— Контракт составлен в двух экземплярах. Срок — три месяца. Вы получаете комнаты в западном крыле, питание, экипаж для поездок по поручениям и жалованье в конце каждой недели. Половина суммы за первую неделю будет выплачена сегодня.

Я не смогла скрыть облегчения.

— Почему заранее?

— Вам понадобится подходящая одежда для официальных встреч. Дворцовый портной приедет через два дня, но вы вправе выбрать другого мастера.

— Благодарю.

— Не торопитесь. Условия содержат ограничения.

— Я ожидала.

— Вы не покидаете замок после захода солнца без моего распоряжения. Не входите в восточную башню, подземные галереи и Зеркальный зал. Не выносите документы из западного крыла. Не обсуждаете содержание переписки с посторонними.

— Разумно.

Он провёл пальцем по листу.

— И не переставляете зеркала.

Я посмотрела на закрытые рамы у дальней стены.

— Ни в одной комнате?

— Ни в одной части замка.

— Даже если зеркало мешает пройти?

— Вы обходите его.

— Если оно упадёт?

— Зовёте слуг и не касаетесь рамы.

— Если начнётся пожар?

Оллард поднял голову.

— Вы склонны готовиться к редким бедствиям?

— Я предпочитаю знать, где заканчивается буквальное толкование правил.

— При пожаре спасайте себя. Зеркала оставьте замку.

— Они представляют ценность?

— Да.

— Денежную?

— Не только.

Я ждала продолжения, но герцог замолчал.

— Почему их нельзя переставлять? — спросила я.

— В моём доме некоторые вопросы безопаснее не задавать.

— Для кого безопаснее?

— Для человека, который задаёт.

Холод, оставшийся после дороги, вернулся и скользнул между лопаток. Я посмотрела на ткань, закрывавшую ближайшую раму. Она висела неподвижно, хотя от окон тянуло сквозняком.

— Вы включили запрет в договор, — сказала я. — Значит, нарушение может повлечь последствия. Я должна понимать хотя бы их характер.

— Последствием станет ваше увольнение.

— Только моё?

— Этого достаточно.

— Вы уклоняетесь от ответа.

— Я определяю границы сведений, которые готов сообщить человеку до подписания контракта.

— А после подписания?

— После подписания вы узнаете то, что потребуется для работы.

Я задумалась.

Условия были странными, но не невыполнимыми. Не покидать замок ночью я не собиралась. Восточная башня и подземные галереи меня не привлекали. Зеркальный зал вызывал интерес уже одним названием, однако любопытство можно было удержать в пределах здравого смысла.

С зеркалами дело обстояло сложнее. Любой запрет, который хозяин отказывался объяснять, таил больше опасности, чем признавалось вслух.

С другой стороны, я находилась в замке меньше часа и уже получала больше, чем могла заработать в городе за месяц.

— Я хочу добавить условие, — сказала я.

— Какое?

— Если исполнение ваших распоряжений создаст угрозу моей жизни, я вправе отказаться без потери заработанного жалованья.

— Угроза должна быть очевидной.

— И подтверждённой?

— Начальником охраны или дворецким.

— Они служат вам.

— Вы предлагаете пригласить независимого судью для каждого спора?

— Я предлагаю указать, что моё решение может быть принято без подтверждения, если ожидание сделает отказ бессмысленным.

Оллард повернул лицо к огню.

— Вы составляли договоры прежде?

— Отец предпочитал устные соглашения. Мне приходилось разбираться с их последствиями.

— Внесите формулировку на свободном поле.

Он подал мне перо.

Я взяла его, затем посмотрела на столик.

— Мне понадобится больше света.

— Раздвиньте штору у левого окна.

Я встала. Теперь, когда глаза привыкли к полумраку, библиотека перестала казаться сплошной ловушкой. Я различала кресла, столы и проходы между ними. До окна было около десяти шагов.

По дороге я снова взглянула на закрытые зеркала. Их насчитывалось пять. Три узких висели между книжными шкафами, одно овальное стояло возле лестницы, а самое большое занимало пространство у дальней стены.

Я дошла до окна и взялась за тяжёлую ткань. Кольца на карнизе двинулись с протяжным скрипом. В комнату проник вечерний свет, серый и водянистый. За стеклом виднелся внутренний двор, залитый дождём, каменные арки и тёмные крыши хозяйственных построек.

На мгновение небо осветила молния.

В её вспышке я увидела отражение библиотеки в оконном стекле: длинные ряды полок, красное пятно камина, фигуру Олларда у стола и себя рядом со шторой.

За моим плечом стоял кто-то ещё.

Я обернулась.

Между шкафами никого не было.

— Что случилось? — спросил герцог.

Я снова посмотрела в стекло. Там отражались только мы двое.

— Мне показалось, что у лестницы кто-то стоит.

Оллард прислушался. Его подбородок чуть приподнялся, пальцы замерли на подлокотнике.

— Кроме нас в библиотеке никого нет.

— Вы уверены?

— Я слышал бы дыхание.

— Возможно, это было моё отражение.

— Вы не похожи на человека, который путает собственное отражение с чужим.

От этих слов спокойнее не стало.

— Дверь заперта?

— Нет.

Я вспомнила отчётливый щелчок за спиной.

— Дворецкий закрыл её.

— Он прикрыл дверь. Замок не запирают, когда я нахожусь внутри.

Я подошла к двери и нажала на ручку. Она открылась. В коридоре горели светильники, но Берта и других слуг не было.

— Всё в порядке, — сказала я, возвращаясь к столу.

— Вы говорите это мне или себе?

— Оба варианта полезны.

Я села, поднесла перо к чернильнице и записала дополнительное условие на свободном поле. Света от окна и камина хватало, хотя буквы получились чуть крупнее обычного.

Оллард протянул руку.

— Прочтите.

Я прочла формулировку вслух.

— Добавьте, что решение должно быть объяснено после устранения непосредственной угрозы, — сказал он.

— Чтобы вы могли определить, было ли оно обоснованным?

— Чтобы никто не превращал это условие в право игнорировать распоряжения.

Я внесла дополнение.

— Теперь согласны?

— Да.

Герцог забрал перо. Я ожидала, что он попросит показать место подписи, но Оллард провёл пальцами по нижнему краю листа, нашёл выпуклую метку и поставил имя точным движением. Чернила легли уверенной линией.

Он передал перо мне.

Я перечитала договор ещё раз.

Три месяца службы.

Комната в западном крыле.

Жалованье, которое позволяло выплатить остаток отцовских долгов и начать заново.

Запрет входить в три части замка.

Запрет переставлять зеркала.

Каждая разумная мысль советовала задать больше вопросов. Каждая практичная напоминала, что люди с пустым кошельком редко получают договоры без странностей.

Я поставила подпись.

В тот же миг огонь в камине качнулся.

Не погас и не ослаб. Пламя наклонилось в сторону дальней стены, словно по библиотеке прошёл порыв ветра. Шторы у окна остались неподвижными.

Камень в кольце Олларда вспыхнул.

Герцог повернул голову.

— Отойдите от стола.

В его голосе исчезла насмешка.

Я поднялась, прижав подписанный экземпляр к груди.

— Что произошло?

Оллард уже двигался к центру комнаты. Теперь в его походке чувствовалось напряжение. Он обходил мебель безошибочно, однако правая рука оставалась чуть отведённой, а пальцы раскрылись, словно он ощупывал воздух на расстоянии.

Красное сияние кольца стало ярче и разлилось по кисти. На миг под кожей его запястья проступил узор, напоминавший тонкие чешуйки.

Драконья сила наполнила библиотеку теплом. Воздух задрожал, стекло в окнах отозвалось низким звоном. Мне стало трудно вдохнуть, хотя Оллард даже не изменил выражения лица.

Он был опаснее всех слухов.

Эта мысль не вызвала желания убежать. Я смотрела на него и впервые понимала, почему слуги отводили глаза, а дворецкий касался печатки перед каждым ответом. Оллард держал силу так же, как другой мужчина держал бы обнажённый клинок: уверенно, привычно и с полным осознанием того, какой вред она способна причинить.

— Что вы чувствуете? — спросил он.

— Тепло. Давление в воздухе. Стекло звенит.

— Ещё.

Я прислушалась.

За дождём, огнём и гулом ветра появился новый звук. Он шёл от дальней стены: слабый металлический скрежет, прерывистый, похожий на движение тяжёлого предмета по деревянному полу.

— Что-то двигается.

— Где?

Я посмотрела в сторону закрытых рам.

Самое большое полотнище колыхнулось.

— У дальней стены.

Оллард развернулся к звуку.

Серебряный край показался из-под ткани. Сначала я решила, что рама падает, но её верхняя часть оставалась на месте. Зеркало стояло на широкой подставке и поворачивалось вокруг собственной оси.

Ткань сползла на пол.

В сумрачном стекле отразилась библиотека. Отражение выглядело темнее самой комнаты, словно за серебряной поверхностью царил поздний вечер. Я увидела стол, камин, распахнутую штору и фигуру Олларда, стоявшего ко мне боком.

Себя я в зеркале не увидела.

Я находилась прямо перед ним, в нескольких шагах от герцога, однако стекло отражало пустое место.

— Ваша светлость...

Зеркало продолжало поворачиваться.

Оллард поднял руку. Красный свет кольца собрался вокруг пальцев, вытянулся тонкими огненными линиями и осветил его лицо.

Затем сила исчезла.

Мгновение назад воздух гудел от её присутствия. Теперь библиотека стала холодной и обычной. Погасло сияние кольца, пропал чешуйчатый узор на запястье, а пламя в камине выпрямилось.

Оллард пошатнулся.

Я шагнула к нему, но остановилась прежде, чем коснуться. Он предупреждал, что не нуждается в человеке, который станет хватать его без разрешения.

— Слева от вас кресло, — сказала я. — Один шаг.

Герцог не сел. Он выпрямился и сжал руку в кулак, словно пытался вернуть исчезнувший огонь одной силой воли.

— Опишите зеркало.

— Высотой в человеческий рост. Серебряная рама, широкая подставка. Верх украшен двумя драконами, их головы обращены друг к другу. Оно стояло под тканью у дальней стены и повернулось к центру комнаты.

— К кому направлено стекло?

Я посмотрела на отражение.

Пустое место, где должна была находиться я, исчезло из поля зрения. Теперь тёмная поверхность была обращена прямо к Олларду.

— К вам.

Он замер.

За окном ударил гром. Свет молнии скользнул по зеркалу, и на одно мгновение мне показалось, что в глубине серебряного стекла раскрылись два золотых глаза.

Оллард медленно повернул голову к дальней стене.

— Этого зеркала не было в библиотеке.

Глава 2. Зеркало, которого не было

Оллард произнёс это без повышения голоса, однако в его словах прозвучало такое напряжение, что я перестала слышать дождь, ветер и потрескивание дров. Вся библиотека словно сузилась до серебряной рамы у дальней стены.

Я осталась на месте.

Зеркало уже не двигалось. Оно стояло под углом к книжным шкафам, направив тёмное стекло на герцога. Соскользнувшая ткань лежала у основания неровной грудой. В ней поблёскивали капли влаги, хотя крыша над библиотекой не протекала и окна были закрыты.

Оллард повернул лицо в мою сторону.

— Вы отошли?

— Нет.

— Почему?

— Вы велели описать зеркало, а не отойти от него.

— Теперь велю. Сделайте три шага назад.

Я выполнила распоряжение, не отрывая взгляда от стекла. Собственного отражения в нём по-прежнему не было. Оно показывало камин, стол, высокие книжные шкафы и фигуру Олларда, но на месте, где стояла я, оставалось пустое пространство.

От этого зрелища становилось не по себе. Я подняла руку, провела ладонью перед лицом и увидела в зеркале движение воздуха там, где должны были появиться пальцы. Поверхность не была мутной. Она просто отказывалась признавать моё присутствие.

— Вы видите что-то ещё? — спросил Оллард.

— Оно не отражает меня.

Его подбородок едва заметно поднялся.

— Уточните.

— В стекле видны библиотека и вы. На моём месте пусто.

— Другие зеркала?

Я посмотрела на закрытые рамы между шкафами.

— Остальные накрыты.

— Не прикасайтесь к тканям.

— Я помню условие договора.

— Хорошо.

Он произнёс это с такой собранностью, словно проверял не мою память, а собственную способность удерживать порядок среди событий, которые этому порядку не подчинялись.

Красный камень на его кольце оставался тёмным. Я видела гладкую поверхность и тонкую золотую оправу, но внутри не осталось ни угольного свечения, ни знакомой линии огня.

— Ваша сила всё ещё не вернулась?

Оллард сжал пальцы.

— Она здесь.

— Я её не чувствую.

— Потому что я не выпускаю её наружу.

Ответ последовал сразу, однако его дыхание стало глубже. Герцог стоял прямо, плечи сохраняли привычное положение, и только напряжение в руке выдавало усилие.

Я вспомнила, как он пошатнулся. Если бы кресло находилось дальше, Оллард мог бы упасть. Он не позволил себе опереться на мебель и не попросил помощи, но это не отменяло того, что случилось.

— Вы уверены? — спросила я.

— В чём?

— Что сила вернулась полностью.

Он повернул голову так, что я снова ощутила на себе его невидящий взгляд.

— Вы служите мне меньше четверти часа и уже решили проверять моё состояние?

— Я пытаюсь понять, опасно ли находиться рядом с зеркалом.

— Опасно.

— Тогда нам следует выйти.

— Вам следует. Я останусь.

— Зачем?

— Чтобы выяснить, каким образом в запертой библиотеке появился предмет, которого здесь не было.

— Дверь не была заперта.

— Посторонний не мог пронести зеркало через коридор незамеченным.

— Возможно, его собрали внутри.

— Без звука?

— Вы не слышите каждое движение в замке.

— В этой комнате слышу.

Ответ прозвучал холоднее прежнего. Я поняла, что задела его уверенность в собственных способностях, и всё же не собиралась соглашаться только из вежливости.

— Сегодня скамья оказалась не там, где вы её оставили, — напомнила я. — Значит, кто-то способен менять обстановку в библиотеке без вашего ведома.

— Скамью передвинул Берт перед вашим приходом.

— Вы знали?

— Я велел ему это сделать.

— Чтобы проверить, замечу ли я препятствие?

— Чтобы проверить, станете ли вы обвинять меня в намеренной ошибке или сначала выясните обстоятельства.

Я вспомнила собственный вопрос у стола и почувствовала досаду.

— Вы не сказали правду, когда я спросила.

— Я сказал, где скамья стояла утром.

— Это называется уклонением.

— В дипломатии подобное считается точностью формулировки.

— Мы не на дипломатическом приёме.

— Именно поэтому я могу признать, что вы правы.

Я не ожидала уступки. Оллард произнёс её без раздражения и попытки превратить разговор в новую проверку.

— Но зеркало Берт не приносил, — продолжил он. — Сегодня утром у этой стены стояла закрытая рама с портретом моего деда. Я проходил здесь после завтрака и касался её угла.

— Вы проверяете мебель руками?

— Я проверяю изменения.

— Почему?

Он не ответил.

Ветер ударил в окна, и по стёклам прошла дрожь. Зеркало сохранило неподвижность. В его глубине камин отражался слабее, чем должен был, а пламя казалось вытянутым и бесцветным.

Я перевела взгляд на серебряную раму. Два дракона в её верхней части склонили головы друг к другу, соприкоснувшись лбами. Их крылья расходились вдоль боковых стоек и превращались в переплетение ветвей. У основания среди металлических листьев виднелись маленькие человеческие лица.

— Опишите раму подробно, — сказал Оллард. — Начните сверху.

— Два дракона. Они обращены друг к другу и касаются лбами.

— Одинаковые?

Я всмотрелась.

— Нет. У левого четыре рога, у правого два. Крылья тоже различаются. У одного перепонки целые, у второго край повреждён.

— Повреждён мастером или позднее?

— Сложно сказать с расстояния.

— Подойдите ближе.

— Несколько мгновений назад вы велели отойти.

— Я изменил распоряжение.

— Зеркало осталось опасным?

— Да.

— Утешает.

— Госпожа Вэрд.

В голосе герцога прозвучало предупреждение, но за ним скрывалось другое чувство. Он спешил. Оллард пытался сохранять привычный порядок разговора, однако неизвестное зеркало тревожило его сильнее, чем он желал показать.

Я приблизилась к раме, остановившись на расстоянии вытянутой руки.

— Левое крыло отлито целиком. На правом отсутствует часть внешнего края. Излом старый, металл потемнел.

— Царапины?

— На верхней перекладине две длинные. Одна идёт от головы левого дракона к центру.

Вторая начинается ниже и заканчивается у правого крыла.

— Они пересекаются?

— Нет.

— Расстояние между ними?

Я показала пальцами, затем вспомнила, что жеста он не увидит.

— Примерно ширина ладони.

— Чьей?

— Моей.

— Это неточная мера.

— Тогда дайте мне линейку.

Оллард повернулся к столу.

— В верхнем ящике, справа.

Я подошла к большому письменному столу и выдвинула указанный ящик. Внутри лежали линейки разных размеров, несколько ножей для бумаги, коробка сургуча и связка тонких металлических пластин. Всё располагалось в отдельных выемках.

Я выбрала линейку и вернулась к зеркалу.

— Между царапинами девять с половиной пальцев.

— Длина первой?

— Четырнадцать.

— Второй?

— Одиннадцать.

Он запоминал каждую цифру, не переспрашивая.

Я провела линейкой вдоль рамы, стараясь не касаться стекла. На металле имелись потёртости, мелкие вмятины и следы тёмного налёта. В нескольких местах серебро стало почти чёрным.

— По боковым стойкам идут ветви, — продолжила я. — Среди листьев вырезаны лица.

— Сколько?

Я начала считать.

— Двенадцать с левой стороны и одиннадцать с правой.

— Почему разное количество?

— Нижнее лицо справа повреждено. Возможно, двенадцатое было там.

— Мужчины или женщины?

— Есть и те и другие. Некоторые совсем молодые, остальные старше. У каждого закрыты глаза.

Оллард замер.

— Повязками?

— Нет. Веки опущены.

— Уверены?

Я наклонилась ближе. Черты были тонкими, мастер проработал даже ресницы и складки возле губ.

— Да.

— Рты?

Вопрос удивил меня.

— У большинства закрыты. У трёх приоткрыты.

— Зубы видны?

— Нет.

— Продолжайте.

Я спустилась взглядом ниже. У основания рамы переплетение ветвей расходилось в стороны, образуя две широкие опоры в форме когтистых лап. Между ними находился овальный щиток без герба.

— На щитке что-нибудь есть? — спросил Оллард.

— Поверхность гладкая.

— Коснитесь её линейкой.

Я осторожно прижала деревянный край к металлу.

Ничего не произошло.

— Холодная? — спросил он.

— Я касаюсь линейкой.

— Поднесите ладонь, не прикасаясь.

Я выполнила просьбу. От серебра тянуло холодом, хотя зеркало стояло недалеко от камина.

— Холоднее воздуха.

— Насколько?

— Как оконное стекло зимой.

— А отражающая поверхность?

Я поднесла руку к стеклу. Кожа ощутила сухой холод и едва заметное движение воздуха, словно зеркало втягивало тепло.

В отражении моей руки не было.

— Стекло холоднее рамы.

— Оно дышит?

Я убрала ладонь.

— Что?

— Воздух движется равномерно или толчками?

Я снова поднесла руку.

Сначала мне показалось, что поток постоянный, затем я различила слабые пульсации. Они повторялись через несколько мгновений.

— Толчками.

— С какой частотой?

Я сосчитала.

— Примерно через четыре удара сердца.

— Вашего?

— Другого у меня нет.

На лице Олларда появилось раздражение, направленное скорее на ситуацию, чем на меня.

— Отойдите.

Я послушалась.

Герцог снял кольцо.

До этого оно выглядело частью его руки, и движение показалось мне странно личным. Оллард положил кольцо на ладонь, повернув камнем вверх. В глубине появился слабый багровый отсвет.

— Опишите свет, — сказал он.

— Возвращается. Пока слабый.

— Цвет?

— Красный у края, золотой ближе к середине.

— Меняется возле зеркала?

Я посмотрела на камень и на раму.

— Нет.

Оллард сделал шаг вперёд.

Свет в кольце остался прежним.

Ещё шаг.

Никакой перемены.

Когда между герцогом и зеркалом осталось расстояние в три шага, он остановился. Его плечи напряглись, а рука с кольцом опустилась ниже.

— Что вы чувствуете? — спросила я.

— Ничего.

— Это хорошо?

— Нет.

Он произнёс это так спокойно, что смысл дошёл до меня не сразу.

— Объясните.

Оллард не двинулся с места.

— Каждое действующее заклинание обладает звучанием.

— Настоящим звуком?

— Для меня — да. Другие люди его обычно не слышат.

Я вспомнила слова горожан о герцоге, который узнаёт ложь по голосу и замечает оружие за стеной. Выдумки могли вырасти из способности, о которой никто не знал точно.

— Как звучит магия?

— По-разному. Защитные печати напоминают глубокий гул. Огонь даёт высокий чистый тон. Пространственные узлы звучат так, словно струну натянули до предела. Старая магия сложнее. В ней несколько нот соединяются и расходятся.

— А драконья сила?

— Я не слышу собственное сердце, пока оно бьётся внутри меня.

Он сжал кольцо в кулаке.

— В библиотеке действуют семь охранных печатей. Две на окнах, одна на двери, четыре на стенах. Я слышу каждую. Чувствую родовой огонь в камне, защиту над западным крылом и следы старых чар в книгах.

— Но зеркало молчит.

— От него не исходит ни одной ноты.

Я посмотрела на серебряную поверхность.

— Возможно, оно не заколдовано.

— Обычное зеркало не поворачивается само, не исчезает из отражения человека и не лишает дракона силы.

— Тогда магия умеет скрываться от вас.

Его губы сжались.

Я пожалела, что произнесла вывод настолько прямо, но забирать слова было поздно.

— За семь лет мне не встречалось заклинание, которое я не мог бы услышать, — сказал Оллард.

— Семь лет?

— С момента покушения.

Он впервые назвал случившееся именно так. В первой главе я знала только слухи и дату потери зрения. Теперь между этими событиями появилась прямая связь.

— Вы ослепли из-за магии?

— Да.

— Она тоже не звучала?

Оллард повернул кольцо между пальцами.

— Я услышал её, когда было поздно.

В его голосе не осталось насмешки. Он стоял напротив зеркала, не видя собственного отражения, и впервые за время нашей встречи выглядел не хозяином положения, а человеком, который вернулся к событию, изменившему его жизнь.

Он быстро вернул себе привычную собранность.

— Продолжайте осмотр.

— Вы уверены, что это безопасно?

— Нет.

— Исключительно обнадёживающий ответ.

— Вы вправе воспользоваться условием, которое добавили в договор.

Я посмотрела на подписанный лист, оставшийся у кресла.

— Непосредственная угроза пока не доказана.

— Вы защищаете контракт от самой себя?

— Я защищаю право принимать решения осознанно.

— Тогда решайте.

За окном прогремел ещё один раскат грома. Дождь уже не бил по стёклам сплошной стеной, но ветер продолжал завывать между башнями.

Я могла выйти из библиотеки, позвать Берта и потребовать комнату подальше от зеркал. Герцог не удерживал меня. Наш договор позволял отказаться от опасного распоряжения.

Но зеркало не отражало меня.

Оно появилось в библиотеке, где восемь лет назад хранилась книга, над которой работал отец. В ту же эпоху Оллард потерял зрение. Эти обстоятельства могли быть случайным совпадением, однако я давно знала: случайность перестаёт быть удобным объяснением, когда рядом собирается слишком много связанных деталей.

Я подошла к раме сбоку.

— Осмотрю заднюю часть.

— Не касайтесь стекла и внутреннего края.

— Почему внутреннего?

— Потому что я не знаю, что произойдёт.

— Справедливо.

Пространство между зеркалом и стеной оставалось узким. Рама остановилась под углом, оставив проход шириной с мои плечи. Я сняла плащ, который всё ещё был на мне после дороги, и положила его на кресло.

Мокрая ткань успела согреться у камина, но платье под ней оставалось влажным у воротника и манжет. Холодный воздух за зеркалом коснулся шеи.

— Я захожу за раму, — предупредила я.

— Говорите, что делаете.

— Вы хотите слышать каждое движение?

— Я хочу отличать ваши движения от тех, которые совершает зеркало.

Я шагнула в узкий проход.

Задняя сторона была закрыта тёмными деревянными панелями. Их удерживали металлические скобы, каждая крепилась двумя винтами. Дерево выглядело старым, местами рассохлось, но пыль на нём отсутствовала.

— Панели чистые, — сказала я. — Кто-то недавно их протирал или зеркало появилось здесь совсем недавно.

— Следы ткани?

Я наклонилась.

— Вдоль нижнего края есть полосы. Пыль сметали справа налево.

— Высота?

— На уровне колен.

— Колёсики?

Я осмотрела подставку.

— Нет. Опоры сплошные.

— Царапины на полу?

Я присела. Света не хватало, поэтому пришлось взять со столика свечу. Прежде чем зажечь её от камина, я сообщила об этом Олларду. Он не возразил.

При свете пламени на досках проступили две дугообразные борозды. Они начинались у стены и заканчивались под лапами рамы.

— Есть следы поворота, — сказала я. — Дерево пола содрано совсем недавно.

— До стены сколько?

— Меньше ладони.

— Что за зеркалом?

— Каменная кладка и узкая деревянная панель на высоте груди.

— Панель относится к раме?

Я провела свечой вдоль её края.

— Нет. Она встроена в стену.

— Там не должно быть панели.

— У вас много предметов, которых сегодня не должно быть в библиотеке.

— Не настолько много, чтобы это стало привычкой.

Я рассмотрела панель внимательнее. Она была прямоугольной, без ручки и замочной скважины. Цвет дерева совпадал с книжными шкафами, поэтому за обычной рамой её легко было не заметить.

— На ней есть узор, — сказала я. — Несколько дуг, сходящихся в центре.

— Коснитесь только дерева.

Я провела пальцами по поверхности. Резьба была неглубокой. Дуги образовывали круг, разомкнутый в нижней части.

У меня перехватило дыхание.

Такой знак я видела сотни раз. Отец ставил его на внутренней стороне рам, футляров и переплётков, к которым прикасался во время работы. Он говорил, что обычная подпись портит старинную вещь, а маленький разомкнутый круг заметит лишь мастер.

На старом письменном столе в нашей мастерской этот знак был вырезан под каждым ящиком. Он украшал ручки его инструментов, коробки со слепками и деревянные прокладки для прессов.

Я прижала свечу ближе.

Линии были тонкими и уверенными. Внизу круга оставался промежуток шириной с ноготь. Справа мастер добавил короткую черту, направленную внутрь.

Отец всегда ставил её именно так.

— Госпожа Вэрд?

Я не ответила.

— Мелисанда.

Он впервые назвал меня по имени без фамилии.

Я выпрямилась слишком быстро и ударилась плечом о край рамы. Серебро отозвалось глухим звоном. Свечное пламя дрогнуло, по стеклу с другой стороны пробежала тёмная волна.

— Что случилось? — спросил Оллард.

— Здесь знак.

— Какой?

Я провела пальцем рядом с резьбой, не касаясь самой линии.

— Разомкнутый круг с короткой чертой внутри.

Тишина продолжалась несколько ударов сердца.

— Вы его знаете?

Я закрыла глаза.

Можно было солгать. Сказать, что знак напоминает клеймо мастерской, попросить время на проверку или вообще промолчать о том, что узнала почерк отца. Новый договор ещё не успели толком начать исполнять, а имя Вэрд уже оказалось связано с неизвестным зеркалом, которое забрало силу герцога.

Если Оллард решит, что моё появление подстроено, меня выведут из замка раньше, чем я увижу обещанное жалование.

Но ложь продержится лишь до первого документа из архива. Герцог замечал крошки на перчатках и перемены дыхания. Скрыть от него подобную правду было бы сложнее, чем признаться.

— Это метка моего отца.

Оллард не шелохнулся.

— Вы уверены?

— Он ставил её на выполненных работах.

— Его имя не значится среди мастеров, приглашённых в Норвейн.

— Значит, он работал без официальной записи.

— Или не работал вовсе.

Я вышла из прохода за зеркалом. Свеча освещала лишь часть лица Олларда, оставляя повязку и шрам в густой тени.

— Я не утверждаю, что отец создавал эту раму. Метка находится на панели в стене.

— Вы сказали, что она принадлежит ему.

— Да.

— Когда он мог поставить её?

Мне пришлось сделать вдох.

— Семь лет назад.

Камень в кольце вспыхнул багровым светом и сразу потускнел.

— Ранее вы говорили о книге, которую восстанавливали восемь лет назад.

— Это была первая работа, связанная с Норвежцами. Через несколько месяцев отец начал уезжать из дома. Иногда отсутствовал по две или три недели.

— Куда он ездил?

— Не говорил.

— Вы не спрашивали?

— Спрашивала. Он отвечал, что работает в частном собрании и связан обещанием молчать.

— Когда поездки прекратились?

Я посмотрела на зеркало.

— После известия о покушении на вас.

В библиотеке стало так тихо, что я услышала, как в свече осыпался крошечный кусочек фитиля.

Оллард подошёл ближе.

— Точную дату.

— Последний раз отец вернулся за четыре дня до того, как газеты сообщили о вашей слепоте.

— В каком состоянии?

В памяти возникла та ночь. Дверь мастерской распахнулась после полуночи. Отец вошёл без дорожного сундука, в грязном плаще, с рассечённой ладонью. Он запер все окна, растопил печь и до утра сжигал бумаги. Я пыталась остановить его, но он впервые в жизни кричал на меня.

На следующий день отец извинился и сказал, что испортил важную работу.

— Он был напуган, — призналась я. — У него была повреждена ладонь. Он сжёг часть записей и запретил мне открывать мастерскую посторонним.

— Что он привёз?

— Ничего.

Я вспомнила пустую серебряную раму, оставшуюся после смерти.

— По крайней мере, тогда я ничего не видела.

— Когда он снова уехал?

— Больше не уезжал.

Оллард остановился в двух шагах от меня.

— Вы знали, что он находился в моём замке?

— Нет.

— Но привезли его инструменты.

— Они составляют часть моей работы.

— И серебряную раму.

Я не сразу поняла смысл сказанного.

— Откуда вы знаете о ней?

— Вы упомянули её во время разговора.

Я вспомнила собственные слова. Нет, вслух я говорила только о мастерской, долгах и оборудовании. О пустой раме я подумала, но не рассказывала.

— Я не упоминала раму.

Оллард нахмурился.

— Вы уверены?

— Совершенно.

Он отвернулся, словно восстанавливал в памяти разговор. Подобная ошибка плохо сочеталась с человеком, который запоминал расстояния, запах тмина и расположение каждой вещи.

— Вы сказали, что после смерти отца на столе осталась серебряная рама размером с ладонь, — произнёс он.

Холод прошёл по спине.

— Я подумала об этом.

— Вы произнесли.

— Нет.

— Я слышал ваш голос.

— Возможно, вы приняли мысль за...

Я осеклась.

Оллард медленно повернул голову.

— Закончите.

— За другую фразу.

— Я не путаю слова.

— Я тоже.

Мы стояли по разные стороны свечи, каждый уверенный в собственной памяти.

Зеркало за моей спиной издало слабый звон.

Я обернулась. На тёмной поверхности появилась тонкая серебряная линия. Она прошла сверху вниз и исчезла.

— Что произошло? — спросил Оллард.

— По стеклу прошёл свет.

— Какой формы?

— Прямая линия. Она уже исчезла.

Он поднял руку с кольцом. Багровое сияние не изменилось.

— Отойдите от зеркала.

На этот раз я подчинилась без возражений.

Оллард дошёл до двери и потянул за шнур звонка. Где-то в коридоре откликнулся колокольчик. Через несколько мгновений появились быстрые шаги.

Берт вошёл, не постучав, и остановился на пороге.

— Ваша светлость?

Его взгляд сразу нашёл открытое зеркало. Лицо дворецкого изменилось: кровь отхлынула от щёк, пальцы вцепились в дверную ручку.

— Закройте дверь, — приказал Оллард.

Берт подчинился.

— Кто внёс зеркало в библиотеку?

— Никто.

— Подумайте, прежде чем отвечать.

— Я был здесь перед приездом госпожи Вэрд. У дальней стены стоял портрет вашего деда.

— Кто ещё входил?

— Горничная убирала пыль утром. После неё — я. Затем библиотеку закрыли.

— На ключ?

— Да.

Я посмотрела на дворецкого.

— Вы говорили, что замок не запирают, когда герцог внутри.

Берт сглотнул.

— До приезда его светлости дверь была закрыта.

— Кто хранил ключ?

— Я.

— Он покидал вас?

— Нет.

Оллард повернул голову к зеркалу.

— Позовите двух стражников. Пусть перекроют западное крыло. Никого не выпускать до моего распоряжения.

— Да, ваша светлость.

— И пришлите сюда мастера по замкам.

— Сейчас?

— Вы видите причину ждать до утра?

Берт поклонился и направился к двери.

— Ещё одно, — остановил его Оллард. — Госпожа Вэрд остаётся здесь.

Дворецкий посмотрел на меня. В его глазах мелькнул вопрос, но спорить он не решился. Когда дверь закрылась, я поставила свечу на стол.

— Вы опасаетесь, что я уйду?

— Я хочу знать, кто и зачем привёл вас в этот замок.

— Меня пригласил ваш поверенный.

— По чьей рекомендации?

— Хранителя городского архива.

— Кто сообщил хранителю, что мне требуется компаньонка со знанием выпуклого письма?

Я задумалась.

Письмо от хранителя пришло через два дня после того, как я продала дом. Он писал, что узнал о вакансии от общего знакомого, но имени не назвал. Я не стала выяснять подробности. Тогда предложение казалось редкой удачей, а человек, оказавшийся без жилья, не склонен допрашивать судьбу о причинах щедрости.

— Я не знаю.

— Поверенный сам выбрал вас?

— Он говорил, что получил список из пяти кандидатов.

— Я распорядился найти человека, способного работать со старым письмом. Мне не показывали список.

— Значит, поверенный действовал по поручению.

— Он должен был представить мне несколько имён, а не прислать одну женщину прямо в замок.

— Я не знала.

— Я слышу.

В этих словах впервые не было подозрения. Оллард признал моё незнание так же спокойно, как ранее признавал правоту в споре.

— Вы думаете, что меня выбрали из-за отца, — сказала я.

— В день вашего появления в библиотеке возникает зеркало с его меткой.

— Я не привозила его.

— Я не утверждал обратного.

— Но запираете западное крыло.

— Потому что кто-то использовал вас для завершения замысла.

Я посмотрела на лежащий у кресла договор.

— Подпись.

— Что?

— Зеркало начало двигаться, когда я подписала контракт.

Оллард повернулся к столу.

— Подойдите к документу. Не касайтесь.

Я выполнила просьбу.

Два экземпляра лежали рядом. На одном стояли обе подписи, второй оставался неподписанным мной.

— Что изменилось? — спросил он.

Я присмотрелась.

Чернила моей подписи казались обычными. Под именем Олларда проходила выпуклая линия, предназначенная для определения места. В дополнительном условии, которое я внесла, ничего необычного не появилось.

— Пока ничего.

— Запах?

— Чернила, воск, бумага.

— На подписи есть блеск?

Я наклонилась.

— Нет.

— Возьмите чистый лист и накройте контракт.

Я положила сверху бумагу.

Зеркало издало тонкий звон.

Мы оба повернулись к нему.

— Оно отреагировало, — сказала я.

— Уберите лист.

Я убрала.

Звон повторился, на этот раз ниже.

— Контракт связан с зеркалом, — заключила я.

— Или с вами.

— Или с вашей подписью.

— Моя уже стояла до его появления.

— Но договор вступил в силу после моей.

Оллард подошёл к столу и протянул руку.

— Дайте мне подписанный экземпляр.

Я вложила бумагу ему в пальцы.

Он провёл по краям, нашёл наши имена и задержался на моей подписи. Кольцо снова засветилось, однако зеркало осталось безмолвным.

— Я не чувствую на бумаге магии, — сказал он.

— Вы также не чувствуете её на зеркале.

Он сжал лист крепче.

— Справедливо.

К двери подошли стражники. Берт вернулся вместе с крепким мужчиной в рабочем переднике, который назвался замочным мастером. Они осмотрели петли, скважину и засов.

Никаких повреждений не нашли.

— Замок открывали ключом, — сообщил мастер. — Либо дверь оставалась незапертой.

— Я сам запер её, — возразил Берт.

— Тогда нужен второй ключ.

Дворецкий побледнел ещё сильнее.

— Второго не существует.

— Теперь существует, — сказал Оллард. — Замените замок до рассвета.

Мастер поклонился.

— А зеркало? — спросил Берт.

— Останется здесь.

— Ваша светлость, после прошлого раза...

Он замолчал.

Оллард повернул голову.

— Продолжайте.

— Герцогиня запрещала держать открытые зеркала в западном крыле.

— Моя мать умерла пять лет назад.

— Её распоряжение никто не отменял.

— Теперь отменяю я.

Берт опустил взгляд.

— Как прикажете.

— Вы знаете эту раму?

— Нет.

— Подойдите и посмотрите.

Дворецкий приблизился к зеркалу. Его шаги стали осторожнее, словно он подходил к хищному зверю.

— Никогда не видел, — сказал он. — В замке есть похожие узоры, но эта рама мне незнакома.

— Какие узоры? — спросила я.

Берт посмотрел на Олларда, ожидая разрешения.

— Отвечайте, — приказал герцог.

— Драконы с разными крыльями встречаются в старом Зеркальном зале. Его закрыли после покушения.

— А лица с закрытыми глазами?

— Я не помню таких деталей.

— Вы входили в зал после того дня?

Дворецкий коснулся печатки.

— Один раз. Вместе с прежней герцогиней.

— Что она делала?

— Приказала накрыть все зеркала и опечатать двери.

— Почему мне об этом не сообщили?

Берт сжал губы.

— Вы тогда ещё не вставали с постели.

Оллард не изменился в лице, но камень на его кольце вспыхнул.

— А после?

— Её светлость сказала, что расскажет сама, когда сочтёт нужным.

— Она не рассказала.

— Нет.

— Что ещё вы скрыли по её распоряжению?

— Ничего, ваша светлость.

Герцог прислушался к голосу дворецкого.

— Вы боитесь.

— Я видел, что случилось в Зеркальном зале.

— И всё равно молчали семь лет.

— Я дал слово вашей матери.

— Её молчание едва не стоило мне герцогства.

Берт поднял голову.

— Оно сохранило вам жизнь.

В библиотеке стало холоднее.

Я перевела взгляд с дворецкого на Олларда. Он не задал следующего вопроса сразу. Его пальцы коснулись края стола, нашли знакомую выемку и замерли там.

— Объясните, — потребовал он.

- Я не могу.
- Ваше обещание дано умершей женщине.
- Оно касалось вас.
- Именно поэтому я вправе его отменить.
- Простите, ваша светлость.

В голосе Берта звучала преданность, смешанная с настоящим страхом. Он скорее согласился бы лишиться места, чем нарушить старую клятву.

Оллард понял это тоже.

- Выйдите, — сказал он. — Оставайтесь у двери. Никого не впускать.

Когда дворецкий и мастер ушли, стражники заняли места в коридоре. Дверь закрылась, оставив нас вдвоём.

- Вы знали, что ваша мать скрывала обстоятельства покушения? — спросила я.
- Знал, что она уничтожила часть отчётов.
- Почему вы не потребовали правду раньше?
- Потребовал.
- Она отказалась?
- Сказала, что моё зрение стало ценой, которую пришлось заплатить.

Последние слова он произнёс без выражения, но рука на столе сжалась.

Я представила человека, который приходит в себя после покушения, обнаруживает вокруг темноту и слышит от матери, что произошедшее было необходимой платой. Что бы ни скрывала герцогиня, её молчание оставило сыну больше вопросов, чем шрамов.

- Вы ей поверили?
- Тогда — да.
- А теперь?
- Теперь в моей библиотеке стоит зеркало с меткой вашего отца.

Он подошёл к камину и протянул руки к огню. Пламя отражалось на пряхках его камзола, но лицо оставалось бледным.

Оллард не просил помощи. Он продолжал держаться прямо, однако я заметила мелкую дрожь в пальцах.

- Сядьте, — сказала я.
- Он повернул голову.
- Это приказ?
- Предложение человека, который видел, как вы пошатнулись.
- Я не нуждаюсь...

— Я не собираюсь вас ловить, утешать или передвигать мебель. Кресло находится в одном шаге позади. Решение остаётся за вами.

Его губы дрогнули.

- Вы быстро учитесь.
- У меня требовательный работодатель.

Оллард отступил и сел. Движение выглядело спокойным, но он опустился в кресло тяжелее, чем прежде.

Я осталась у стола.

- Что происходит с вашей силой?
- Она возвращается частями.
- Больно?

Он ответил после паузы:

- Да.

Одно короткое признание сказало больше, чем подробное описание. Оллард не пытался вызвать сочувствие. Он предоставил факт, потому что решил, что мне нужно его знать.

— Как это ощущается? — спросила я.

— Словно огонь ищет дорогу по закрытым каналам.

Я не стала уточнять. Его ладонь лежала на подлокотнике, пальцы побелели от напряжения.

— Это уже случилось?

— Семь лет назад.

— После покушения?

— В первые дни сила то исчезала, то возвращалась. Я слышал магию вокруг, но не мог обратиться к собственной.

— Зеркала были рядом?

— В комнате стояло одно. Мать велела убрать его на следующий день.

— Оно выглядело так же?

— Я не видел раму до покушения. После уже не мог.

— Вы касались её?

— Нет.

Я посмотрела на нынешнее зеркало. В его стекле Оллард отражался сидящим у камина. Пламя за его спиной казалось серебряным, а не красным.

— Что произошло в Зеркальном зале?

Он долго молчал.

— Вы получаете доступ к тайне раньше, чем я планировал.

— Я могу выйти.

— Поздно. Ваш отец уже втянул вас в неё.

Слова причинили боль, хотя Оллард произнёс их без обвинения.

— Мы пока не знаем, что он сделал.

— Именно поэтому я рассказываю.

Герцог провёл пальцем по шраму у виска.

— Семь лет назад я должен был принять представителей трёх северных родов. Встречу назначили в Зеркальном зале. Перед началом я почувствовал пространственную магию, но решил, что она связана с защитой помещения. В центре зала стояло новое зеркало. Когда я приблизился, отражающая поверхность вспыхнула.

Я слушала, не перебивая.

— Свет прошёл через глаза, — продолжил Оллард. — Затем исчезли зрение и связь с драконом. Я оставался в сознании, слышал людей вокруг, однако не мог двигаться. Кто-то подошёл и коснулся моего кольца.

— Кто?

— Я не знаю.

— Вы не узнали шаги или голос?

— Человек не говорил. Его движения скрывала магия.

— Та самая, которую вы не слышали?

— Возможно.

— Что помните дальше?

— Мать разбила зеркало. Зал загорелся. Когда я пришёл в себя, двери были опечатаны, часть гостей исчезла, а трое свидетелей утверждали, что ничего не видели.

— Представители родов?

— Двое погибли в огне. Третий покинул герцогство до начала расследования.

— Как его звали?

Оллард повернул голову к окну.

— Эльмар.

Имя повисло между нами.

Мужчина в сером плаще, который привозил отцу документы. Господин Эльмар.

— Это был тот же человек?

— Я не знаю. Род Эльмар многочислен. На встречу приезжал глава старшей ветви, Грейд Эльмар. Через месяц его объявили погибшим на южной границе.

— Тело нашли?

— Нет.

Я вспомнила руки незнакомца в серых перчатках и его привычку ждать во дворе, не входя в мастерскую.

— Отец называл посыльного просто господином Эльмаром. Он мог быть слугой рода.

— Или его главой.

— Почему вы скрыли имя во время собеседования?

— Потому что хотел понять, вспомните ли вы что-нибудь ещё без подсказки.

— Новое испытание?

— Осторожность.

— Между ними есть разница только для того, кто устраивает проверку.

Оллард склонил голову.

— Вы сердитесь.

— Я приехала работать, а за первый вечер узнала, что отец мог быть связан с покушением на вас. Я имею право сердиться.

— Имеете.

— Вы снова соглашаетесь слишком легко.

— Предпочитаете спор?

— Предпочитаю понимать, что вы думаете.

— Я думаю, что ваше появление организовали заранее.

Прямота ответа заставила меня замолчать.

— Кем?

— Человеком, который знал о вакансии, работе вашего отца и зеркале.

— Вы подозреваете меня?

— Если бы подозревал вас в сознательном участии, вы разговаривали бы с начальником охраны.

— Утешает чуть больше предыдущего.

— Ваш страх настоящий. Вы узнали метку за зеркалом и сразу сказали правду, хотя понимали последствия. Человек, подготовленный к этой встрече, придумал бы более удобное объяснение.

Я смотрела на него, впервые замечая, что доверие Олларда строится не на симпатии, а на наблюдении. Он не делал поспешных выводов и не обвинял меня из-за фамилии. Для человека, пережившего предательство, это требовало немалого усилия.

— Что вы предлагаете? — спросила я.

Он поднялся. На этот раз движение далось ему легче, хотя лицо всё ещё оставалось бледным.

— Изменить договор.

— Мы подписали его меньше часа назад.

— Обстоятельства изменились.

— Как именно?

— Вы останетесь моей компаньонкой и получите оговорённое жалованье. Дополнительно будете участвовать в расследовании происхождения зеркал.

— Всех зеркал в замке?

— Начнём с тех, что находятся в западном крыле.

— Что входит в участие?

— Осмотр рам, чтение старых записей, поиск меток вашего отца и восстановление хронологии его работ.

— Вы хотите, чтобы я исследовала возможные доказательства против него.

— Я хочу установить правду.

— Если выяснится, что отец помогал нападавшим?

— Вы получите доступ ко всем сведениям, которые найду я.

— Включая документы о покушении?

— Да.

— И архив вашей матери?

— Полный доступ в моём присутствии.

Предложение было щедрым и опасным. Архив мог очистить имя отца или уничтожить всё, что я о нём знала.

— Что получите вы? — спросила я.

— Человека, способного распознать его работу.

— И возможность наблюдать за дочерью подозреваемого.

— Это тоже.

Честность Олларда раздражала меньше, чем могла бы. Он не скрывал выгоды и не притворялся, что предлагает сотрудничество исключительно ради меня.

— Я хочу ещё одно условие.

— Снова?

— Вы обещаете сообщать мне всё, что узнаете о работе отца. Без задержек и удобных умолчаний.

— Если сведения не касаются безопасности герцогства.

— Удобная оговорка.

— Необходимая.

— Тогда сведения можно скрыть только временно, и вы обязаны объяснить причину.

Оллард задумался.

— Согласен.

— Я также вправе отказаться от участия в действиях, которые вы не объяснили.

— Если объяснение возможно без раскрытия чужой тайны.

— Чужой или вашей?

— Госпожа Вэрд.

— Я уточняю формулировку.

На этот раз он улыбнулся открыто.

— Вы ещё заставите меня пожалеть, что я разрешил вам менять договор.

— Вы уже жалеете.

— Пока лишь предвижу расходы на бумагу.

Мы вернулись к столу. Я достала чистый лист, составила дополнение и прочла его вслух. Оллард внёс две поправки, я изменила формулировку о доступе к архиву, после чего мы поставили подписи.

Зеркало не отреагировало.

— Значит, первый контракт был важнее, — сказала я.

— Или момент вашего согласия уже использован.

Мне не понравилась эта мысль.

— Что теперь?

— Вы покажете мне метку.

— Каким образом?

Оллард снял перчатку с правой руки.

До этого я не замечала, что на нём были тонкие чёрные перчатки, настолько плотно прилежавшие к коже, что казались частью камзола. Он положил её на стол и протянул ладонь.

— Подведите меня к панели.

Я посмотрела на его руку.

— Вы знаете дорогу.

— Знаю расположение прежней рамы. Новая стоит под другим углом.

— Я могу описать путь.

— Можете.

Он не убрал ладонь.

Оллард предоставлял выбор. В первой главе я отказалась касаться его без разрешения. Теперь разрешение было дано, и от этого простое действие приобрело неожиданную тяжесть.

Я вложила пальцы в его ладонь.

Рука оказалась горячей. Жар драконьей силы чувствовался под кожей, хотя кольцо светило слабо. Оллард сомкнул пальцы осторожно, оставляя мне возможность отстраниться.

— Два шага вперёд, — сказала я. — Затем поверните вправо.

Он пошёл рядом.

Мне не приходилось тянуть или направлять его. Я сообщала о расстоянии, а Оллард двигался сам, сверяясь с голосом. Когда мы подошли к раме, я предупредила об узком проходе.

— Панель находится за зеркалом на высоте вашей груди. Проход тесный.

— Войдём по одному.

Он отпустил мою руку.

Холодный воздух сразу коснулся пальцев, и я с досадой заметила, что успела привыкнуть к его теплу.

Я прошла первой, поставила свечу в углубление между камнями и повернулась.

— Протяните правую руку. До панели половина шага.

Оллард вошёл в проход. Его плечо оказалось рядом с моим, ткань камзола коснулась рукава платья. В тесноте пришлось прижаться спиной к раме, чтобы дать ему место.

— Ладонь выше, — сказала я. — Ещё немного вправо.

Он нашёл деревянную поверхность.

— Где знак?

Я накрыла его пальцы своими и переместила к резьбе.

Прикосновение длилось несколько мгновений, но я почувствовала, как он напрягся. Возможно, из-за метки. Возможно, из-за моей руки.

— Здесь начинается круг, — объяснила я. — Ведите пальцем по линии.

Оллард повторил контур. Его палец дошёл до разрыва, затем нашёл короткую черту.

— Такая метка есть на ваших вещах?

— На инструментах, коробках, старом столе.

— Вы сможете воспроизвести её без образца?

— Да.

— Позже сделаете несколько рисунков.

Он снова провёл по знаку.

— Резьбе семь лет?

Я осмотрела края при свече.

— Дерево потемнело внутри борозд. Метку сделали давно, но точный срок я не назову.

— Панель открывается?

— Ручки нет.

Оллард надавил на центр круга.

В стене щёлкнул механизм.

Я едва успела отдёргнуть свечу. Панель сдвинулась внутрь на ширину пальца.

Мы замерли.

— Это сделали вы? — спросила я.

— Я только нажал.

— Открывать?

— Отойдите.

— Здесь некуда.

Он повернулся ко мне. Между нашими лицами осталось так мало пространства, что я почувствовала его дыхание у виска.

— Тогда выйдите первой.

Я выбралась из прохода. Оллард последовал за мной и позвал стражников. Один из них принёс длинный металлический крюк. С его помощью панель открыли полностью.

За ней находилась узкая ниша.

Внутри лежал пустой футляр из тёмного дерева.

Я узнала его сразу.

— Он принадлежал отцу.

— Уверены?

— На крышке должна быть латунная застёжка с трещиной у левого края.

Стражник вынес футляр и положил на стол. Застёжка действительно была треснута.

Я открыла крышку.

Внутренняя обивка сохранила углубление в форме длинного плоского предмета. На бархате остались серебристые крупинки.

— Что здесь хранилось? — спросил Оллард.

Я провела пальцем вдоль выемки.

— Инструмент для снятия отражающего слоя. Отец называл его зеркальным ключом.

— Для чего он использовался?

— При восстановлении старых зеркал мастер должен отделить повреждённый слой от стекла, не разрушая всю поверхность. Ключ позволял подцепить край серебра.

— Где инструмент сейчас?

— После смерти отца я его не нашла.

Оллард повернулся к зеркалу.

— Значит, кто-то вынес ключ, оставил футляр и закрыл нишу.

— Или отец сам забрал инструмент.

— Зачем прятать пустой футляр?

Я не знала.

На дне лежала тонкая полоска бумаги. Я подцепила её ногтем и развернула.

Текст состоял из четырёх выпуклых знаков.

— Что написано? — спросил Оллард.

Я провела пальцами по строке.

— «Первое смотрит на север».

— Первое что?

— Здесь нет существительного. Только порядковое число и действие.

— Почерк вашего отца?

— Знаки выдавлены инструментом. Почерк определить нельзя.

— Северное направление отсюда?

Я подошла к окну, мысленно восстановила расположение двора.

— Герцогское крыло.

Оллард ничего не сказал.

Часы на башне начали отбивать четверть.

Звук дошёл до библиотеки приглушённым гулом. Я сосчитала удары и поняла, что до полуночи оставалось меньше часа.

— Нужно осмотреть остальные зеркала, — сказала я.

— Сегодня вы ни к одному больше не прикоснётесь.

— Почему?

— Потому что первое уже отняло часть моей силы, а ваш отец оставил указание о направлении.

— Именно поэтому нельзя терять время.

— Вы устали после дороги.

— Это не мешает мне видеть метки.

— Усталость мешает замечать ошибки.

— А ожидание может позволить кому-то убрать следы.

Оллард повернулся ко мне.

— Вы всегда спорите с прямыми распоряжениями?

— Только когда понимаю их причину и считаю недостаточной.

— Вы заключили договор, предусматривающий подчинение.

— Он также предусматривает участие в расследовании.

— Участие не даёт права рисковать собой без необходимости.

— Кто определяет необходимость?

— Я.

— Тогда наше сотрудничество будет недолгим.

Несколько мгновений он молчал. Я ожидала холодного приказа, но Оллард спросил:

— Что именно вы предлагаете?

— Осмотреть закрытые рамы снаружи. Не переставлять, не открывать и не касаться стекла. Только проверить, есть ли метки.

— Вместе со стражей.

— Согласна.

— Берт будет присутствовать.

— Согласна.

— При первом необычном движении вы отходите.

— Если успею.

— Без оговорок.

Я вздохнула.

— Хорошо.

Мы начали с трёх узких зеркал между шкафами. Берт снял полотнища по приказу герцога, используя длинный деревянный шест. Под ними находились обычные серебряные поверхности. Они отражали меня, свет свечей и фигуру Олларда.

Ни на рамах, ни на стенах не было отцовской метки.

Овальное зеркало у лестницы оказалось старше остальных. Серебро потемнело по краям, а на верхней части рамы был вырезан герб Норвейнов. Оно тоже отражало меня.

— Эти зеркала всегда находились в библиотеке? — спросила я.

— Да, — ответил Берт. — Три узких перенесли сюда после закрытия Зеркального зала. Овальное принадлежало прежней герцогине.

— Почему их накрыли?

Дворецкий посмотрел на Олларда.

— После покушения его светлость не желал видеть открытые зеркала в западном крыле.

— Я не мог их видеть, — сухо заметил герцог.

Берт опустил голову.

— Таково было распоряжение вашей матери.

— Вы часто объясняете её решения моими желаниями?

— Я пытался избежать лишних вопросов.

— Получилось плохо.

На всех четырёх рамах отсутствовали метки отца. Загадочным оставалось только большое зеркало.

Мы вернулись к нему. Тёмная поверхность отражала библиотеку, но моё изображение так и не появилось.

— Возможно, оно не отражает тех, кто связан с мастером, — предположила я.

— Или тех, кого использует.

— Вы умеете ободрять.

— Это не входит в обязанности герцога.

— Стоит добавить в следующий договор.

Оллард повернул лицо ко мне. Его усталость стала заметнее, но в уголках губ появилась тень улыбки.

Берт приказал слугам принести ужин прямо в библиотеку. Покидать комнату Оллард отказался, а меня не отпустил из-за опасения, что неизвестный человек попытается добраться до моих вещей.

— В сундуке находится серебряная рама, — напомнил он.

— И инструменты отца.

— Их перенесут сюда.

— Без моего присутствия сундук не открывать.

— Тогда пойдёте со стражей.

Мы дошли до гостевой комнаты в западном крыле. По дороге я впервые увидела замок за пределами библиотеки внимательнее.

Коридоры были широкими, с высокими сводами и светлым каменным полом. На стенах висели пейзажи северных земель: тёмные сосновые леса, заснеженные горы и бурные реки. Между картинами стояли зеркала в серебряных рамах, каждое закрывала плотная синяя ткань.

Я насчитала семь только на пути до лестницы.

— Все зеркала в замке закрыты? — спросила я у Берта.

— В западном крыле.

— Когда их закрыли?

— Семь лет назад.

Число снова совпало.

Моя комната оказалась просторнее всего городского дома, который мы потеряли. Здесь стояли кровать с высоким изголовьем, письменный стол, шкаф и кресло у камина. Слуги уже внесли сундук и поставили его у стены.

Я открыла замок собственным ключом.

Внутри всё лежало так, как я упаковала перед дорогой. Я достала футляр с инструментами, затем вынула из-под платьев маленькую серебряную раму.

Она была пустой. Ни стекла, ни задней панели внутри не осталось. По краям шёл узор из ветвей, напоминавший украшение большого зеркала.

Берт ахнул.

— Вы её знаете? — спросила я.

— Нет.

Однако он отвёл глаза.

— Вы снова касаетесь печатки, — сказала я.

Дворецкий убрал руку.

— Привычка.

— Она появляется, когда вы чего-то не договариваете.

— Госпожа Вэрд...

— Берт, — перебил Оллард. — Отвечайте.

Дворецкий посмотрел на маленькую раму.

— Подобные оправы использовались для родовых миниатюр. В старой галерее стояла целая коллекция.

— В Зеркальном зале? — спросила я.

— Рядом с ним.

— Что стало с коллекцией?

— Исчезла после пожара.

Я передала раму Олларду. Он провёл пальцами по узору и нашёл клеймо отца на внутреннем крае.

Кольцо вспыхнуло.

На этот раз герцог вздрогнул.

— Что вы почувствовали? — спросила я.

— Ноту.

— От рамы?

— Очень слабую.

— Какую?

Он провёл пальцами по серебру ещё раз.

— Так звучала магия перед покушением.

Берт отступил к двери.

— Унесите это из замка.

— Нет, — одновременно сказали мы с Оллардом.

Герцог повернул голову в мою сторону.

— Вы хотите оставить раму?

— Она может быть единственной связью с работой отца.

— Согласен.

Берт явно хотел возразить, но промолчал.

Мы вернулись в библиотеку. Маленькую раму положили рядом с контрактом, а футляр с инструментами — на отдельный стол. Я проверила каждый предмет.

Не хватало зеркального ключа, двух тонких резцов и круглой металлической печати, которую отец использовал для закрепления серебряного слоя.

— Когда вы видели их в последний раз? — спросил Оллард.

— За несколько недель до его смерти.

— Кто имел доступ к мастерской?

— Отец и я. Иногда приходили заказчики.

— Эльмары?

— После покушения я их не видела.

— Другие драконьи семьи?

— За последний год заказов почти не было.

Я вспомнила ночные работы отца и закрытую дверь.

— Но кто-то приходил вечером. Я слышала голоса в мастерской.

— Чей голос?

— Мужской. Низкий. Он говорил спокойно и редко повышал тон.

— Вы видели его?

— Один раз со спины. Высокий, в тёмном плаще.

— Возраст?

— Не знаю.

— Особенности походки?

— Он опирался на трость.

Оллард задумался.

— Грейд Эльмар хромал после военной кампании.

— Это мог быть любой человек с повреждённой ногой.

— Мог.

Он не стал превращать предположение в доказательство. Это снова вызвало у меня уважение, хотя признавать его я пока не собиралась.

Ужин принесли на небольшом столе у камина. Берт распорядился подать горячее мясо, хлеб, запечённые овощи и яблочный пирог. После целого дня в дороге запах еды заставил желудок болезненно сжаться.

Я попыталась сохранять достоинство, но Оллард услышал слишком быстрый вдох.

— Ешьте, — сказал он.

— А вы?

— Позже.

— Почему?

— Сейчас я не смогу удержать чашку так, чтобы вы не заметили.

Он произнёс это с раздражённой честностью.

Я посмотрела на его правую руку. Дрожь усилилась. Герцог спрятал пальцы под столом, однако движение не осталось незамеченным.

— Это последствие исчезновения силы?

— Возвращения.

— Вам станет легче?

— Через некоторое время.

Я села напротив.

— Тогда я тоже поем позже.

— Это попытка выразить сочувствие?

— Нет. Мне неудобно разговаривать с человеком, который стоит рядом и делает вид, что не испытывает боли.

— Вы можете не разговаривать.

— Мы ведём расследование.

— Оно переживёт ваш ужин.

— А вы?

Он замолчал.

— Не отвечайте, — сказала я. — Вопрос был неудачным.

— Он был справедливым.

Оллард сел в кресло и положил обе ладони на подлокотники. Я налила ему воду, заранее описав положение чашки на столе, и отодвинулась.

Он нашёл её сам.

Первый глоток дался ему тяжело. Я отвела взгляд, предоставляя хотя бы видимость уединения.

— Благодарю, — сказал он.

— За воду?

— За то, что не пытаетесь помочь больше, чем требуется.

— Это часть моего испытания?

— Испытание закончилось, когда вы подписали договор.

— Зеркало, видимо, не получило известия.

Сухая улыбка появилась и исчезла.

Мы поели. Постепенно дрожь в руках Олларда ослабла, цвет лица стал ровнее. Он задавал вопросы об отцовской мастерской, заказах и последних месяцах его жизни. Я отвечала, стараясь отделять воспоминания от предположений.

За разговором время приблизилось к полуночи.

Дождь прекратился. В библиотеке стало слышно каждое потрескивание огня, шаг стражника за дверью и отдалённый скрип старого замка.

Большое зеркало не двигалось.

Я уже начала думать, что до утра ничего не произойдёт, когда Оллард повернул голову к коридору.

— Что вы слышите? — спросила я.

— Пока ничего.

— Тогда почему...

Он поднял руку, призывая к молчанию.

Издалека донёсся первый удар башенных часов.

Полночь.

Звук прошёл по каменным стенам и затих.

Второй удар.

Огонь в камине качнулся.

Третий.

За дверью раздался металлический скрежет.

Стражник что-то крикнул. Послышались быстрые шаги, затем удар, словно тяжёлая рама задела стену.

— Берт! — позвал Оллард.

Дверь распахнулась.

Дворецкий стоял в коридоре, глядя вправо. Лицо его стало белым.

— Ваша светлость...

Четвёртый удар часов.

Ближайшее зеркало в коридоре повернулось под закрывающей его тканью. Серебряные опоры цапагнули каменный пол. Синее полотнище натянулось и обрисовало форму рамы.

Стекло остановилось, направившись к герцогскому крылу.

Пятый удар.

Следующее зеркало пришло в движение.

Потом третье.

Скрежет прокатился по коридору, уходя всё дальше, к лестнице и жилым комнатам. Одно за другим зеркала поворачивались в одну сторону, хотя слуги не касались их.

— Сколько? — спросил Оллард.

— Я вижу три, — ответила я. — Остальные дальше по коридору.

— Они направлены к моим покоям?

Я проследила линию рам.

— Да.

Шестой удар.

Зеркало в библиотеке дрогнуло.

На этот раз я увидела, как по серебряной раме проходит чёрная тень. Два дракона наверху подняли головы. Металл изменил форму, словно на мгновение стал живым.

— Оллард...

Он уже стоял.

Камень в его кольце вспыхнул, но свет сразу сжался до тонкой точки.

Седьмой удар.

Все зеркала западного крыла заскрежетали одновременно.

Оллард упёрся ладонью в край стола. Под кожей его запястья проступила драконья чешуя, однако рисунок тут же начал исчезать.

Я шагнула к нему.

— Кресло позади вас.

— Не сейчас.

Восьмой удар.

Пол под ногами задрожал. Из коридора донёсся звон стекла, но ни одно зеркало не разбилось. Они продолжали поворачиваться, выстраивая невидимую цепь от лестницы к библиотеке.

Девятый удар.

Пламя в камине вытянулось к двери.

Оллард поднял голову, прислушиваясь к магии, которой я не могла услышать.

— Семь нот, — произнёс он. — Защита рушится одна за другой.

— Что делать?

— Закрыть двери крыла.

— Они уже закрыты.

— Этого недостаточно.

Десятый удар.

Большое зеркало повернулось ещё на несколько пальцев. Теперь в нём отражались открытая дверь, коридор и все рамы за ним. Они образовывали бесконечный серебряный проход.

В глубине отражения стояла человеческая фигура.

Высокий мужчина опирался на трость.

Я всмотрелась, но лицо скрывала темнота.

— Там кто-то есть, — сказала я.

— Где?

— В отражении. В конце коридора.

Оллард повернулся к зеркалу.

Фигура подняла руку.

Маленькая серебряная рама на столе ответила тонким звоном.

Одиннадцатый удар.

Кольцо Олларда погасло.

Он втянул воздух сквозь сжатые зубы. На лице впервые отразилась открытая боль.

Я оказалась рядом, не успев обдумать движение. Протянула руку, но остановила её у его предплечья.

— Можно?

Оллард на мгновение сжал веки под повязкой.

— Да.

Я поддержала его. Под тканью камзола мышцы были напряжены, кожа обжигала жаром. Он перенёс часть веса на мою руку всего на несколько мгновений, затем заставил себя выпрямиться.

Когда часы пробили двенадцать, фигура в зеркале исчезла. Из груди Олларда вырвался сдержанный рык, и в тот же миг погас огонь в камине.

Глава 3. Ночь повёрнутых зеркал

Огонь в камине погас, и библиотека погрузилась в темноту.

Жар исчез не сразу. Камни ещё хранили тепло, в воздухе оставался запах древесного дыма, однако пламя, освещавшее столы и книжные шкафы, пропало без единой искры. Свет из коридора проникал через открытую дверь узкой полосой и ложился на пол рядом с нашими ногами.

Моя ладонь по-прежнему лежала на предплечье Олларда. Под тканью камзола дрожали напряжённые мышцы, а исходящий от его тела жар заставлял думать, что огонь из камина не исчез, а переместился в него.

Из коридора донёсся новый скрежет.

Одно из зеркал продолжало поворачиваться, хотя башенные часы уже закончили отбивать полночь. Серебряные опоры протащились по камню, остановились, затем сдвинулись ещё на несколько пальцев.

Оллард выпрямился.

— Отпустите меня.

Я сразу убрала руку. Он говорил ровно, но дыхание ещё не восстановилось.

— Что вы слышите?

— Семь защитных печатей. Три ослабли, две молчат, остальные держатся.

— А зеркала?

— У каждого свой тон. Сейчас движется ближайшее к лестнице.

Я посмотрела в коридор. Из библиотеки было видно три рамы, накрытые синими полотнищами. Первая стояла напротив двери и уже обращала стекло в сторону герцогского крыла. Вторая находилась дальше, возле ниши со статуей дракона. Её ткань едва заметно подрагивала. Третье зеркало у поворота оставалось неподвижным.

— Двигается второе, — сказала я. — То, что возле статуи.

Оллард нахмурился.

— Я слышу первое у лестницы.

— Лестница находится дальше поворота?

— Да.

— Значит, то зер

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.